

DOI: 10.12731/2218-7405-2016-11-345-362

УДК 316.4

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ И ПОВСЕДНЕВНОСТИ РУССКИХ И БЕЛОРУСОВ

Тужба Э.Н.

Цель. Состоит в анализе факторов оказывающих влияние на процесс взаимодействия, характер отношений и повседневность русской и белорусской общностей.

Метод или методология проведения работы. Использованы идеи системного, интеракционистского, феноменологического и социопсихологического подходов. Эмпирическую базу составили данные анкетного опроса русского населения Краснодарского края; вторичный анализ социологических данных российских и белорусских научных коллективов по теме исследования.

Результаты. Выявлены и проанализированы факторы формирования отношений и культуры повседневности, особенности их влияния на процессы взаимодействия русской и белорусской национальных общностей.

Область применения результатов. Знание факторов и содержания взаимного влияния этнокультурных практик национальных общностей Беларуси и России поможет прогнозировать процессы взаимодействия, содействовать их консолидации и интеграции.

Ключевые слова: культура повседневности; идентичность; глобализация; универсальные ценности; ментальность; социальное самочувствие.

FACTORS FORMING RELATIONSHIPS AND EVERYDAY RUSSIAN AND BELARUSIANS

Tuzhba E.N.

Purpose. It consists in the analysis of the factors influencing the process of interaction, the nature of relationships and everyday life of the Russian and Belarusian communities.

Methodology. Use the ideas of the system, interactionist, phenomenological and socio-psychological approaches. The empirical base totaled questionnaire data of the Russian population of the Krasnodar Territory; secondary analysis of sociological data of Russian and Belarusian research teams on studies.

Results. Identified and analyzed factors of relationships and the culture of everyday life, especially their impact on the processes of interaction between Russian and Belarusian ethnic communities.

Practical implications. Knowledge of the factors and content of the mutual influence of ethnic and cultural practices of the ethnic communities of Belarus and Russia will help to predict the interaction processes contribute to their consolidation and integration.

Keywords: *culture of everyday life; identity; globalization; universal values; mentality; social well-being.*

В описании современной глобализации, большинство авторов, хотя и оценивают ее по-разному, акцентируют внимание на культуре. Рост взаимовлияния культур, формирование необходимых для этого общих культурных норм, ценностей, а также соотношение глобального и локального, становится предметом социально-гуманитарного знания. В результате интернационализации общественной жизни, многие народы оказались перед перспективой потери культурной идентичности. Опасения, связанные с утратой культурно-цивилизационной идентичности, у многих народов вызывают ответную реакцию, выражающуюся в непринятии культурных изменений. В системе ценностных приоритетов лидируют национальная и религиозная идентичности. Причем, следует согласиться с А.А. Гусейновым [1, с. 26–42], что религиозно-конфессиональная принадлежность объемней национальной и поэтому ее следует считать основой социально-групповой идентичности. Однако, по силе мотивирующего воздействия национальная идентичность превосходит религиозно-конфессиональную. Неприятие универсализации культуры, возможности синтеза в этой сфере представляет собой оправданную реакцию, опасение, перед торжеством универсальных западных канонов. Усвоение той или

иной культурой универсальных ценностей возможно лишь тогда, когда эти ценности вызревают в рамках собственного опыта данного социума. Элементы чужой культуры внедряются быстрее, и в большем количестве, чем человек способен их воспринять. Культурная специфика в условиях современной глобализации сохраняется при всех существующих формах взаимодействия.

Рассмотрение культуры в условиях современной глобализации, многообразия форм ее проявления предполагает обращение к обыденности каждодневного существования людей. Обыденную культуру мы будем рассматривать как совокупность процессов, связанных с повседневной жизнью людей, в нашем случае белорусов и россиян. Повседневность играет важную роль в функционировании культуры, в формировании идентичности и самосознания народа.

Скульмовская Л.Г. и Назарова Н.В. предлагают структурировать повседневность по нескольким основаниям: материальной жизни (природно-климатические условия, среда обитания (город, село), традиции жилища и интерьера, питания и т.д.; эмоциональная основа существования (установки поведения, ценностные ориентаций и т.д.; социальная жизнь человека (этапы социализации, профессиональная карьера и семья, коммуникация и т.д. [9, с. 97–100].

Экономические отношения выступают фактором формирования повседневности, оказывают влияния на уклад жизни населения. От экономической составляющей, хозяйственных отношений зависит разнообразие повседневных культурных практик.

В постсоветской России были осуществлены «шоковые» реформы, включавшие приватизацию государственной собственности, что привели к значительному расслоению общества по имущественным и другим признакам, падению уровня жизни населения, напряженности в социально-экономической сфере. Белоруссии удалось сохранить главенствующую роль государства в экономике, провести более взвешенные преобразования, избежать большого социального расслоения, обеспечить приемлемый уровень жизни населения [3].

Сравнение профиля экономической стратификации российского и белорусского общества показало, что в российском и белорусском

обществах происходят диаметрально противоположные процессы: в России наблюдается тенденция к увеличению высоты экономической пирамиды, т.е. увеличение социальной дифференциации вследствие разницы в денежных доходах различных социальных групп; в Беларуси – тенденция уменьшения этой высоты в процессе выравнивания денежных доходов разных социальных групп населения [14, с. 200–206]. Разница в доходах 10% наиболее богатых граждан Беларуси и 10% наиболее бедных составляет 6 раз. В России по официальным данным наиболее обеспеченные граждане в 16,8 раз богаче малоимущих, по неофициальным в 35 раз.

В современных российско-белорусских отношениях, периодически возникают конфликты из-за цен на энергоносители и таможенные пошлины (среди последних, 8 окт. 2016 г. А.Г. Лукашенко поставил задачу искать альтернативу российской нефти, правительство Белоруссии резко – сразу в полтора раза – подняло тарифы на транзит российской нефти через белорусскую территорию к европейским потребителям (уже 10.10.2016 отменив это решение). Это заявления появилось после вестей из Москвы о том, что цена на газ для Минска снижаться не будет). В среде российской политической элиты Беларусь обвиняется в иждивенчестве, слова же А.Г. Лукашенко о братстве воспринимаются как расчетливая риторика. Россия и Беларусь имеют несколько форм экономической интеграции, которые характеризуются секторальной направленностью. Россия главный поставщик энергетического сырья (порядка 85%), и потребитель белорусской продукции. Беларусь лидер во внешнеторговом обороте России со странами СНГ. Основные противоречия в российско-белорусских отношениях имеют различные подходы к их разрешению, которые в основном экономического характера, но требуют решения политическими методами.

Политические отношения оказывают влияние на характер отношений и повседневный уклад жизни населения. В российско-белорусских взаимоотношениях значимое значение приобрел личностный «президентский» фактор. При обострении отношений, для А.Г. Лукашенко стало характерным переводить экономические

проблемы в плоскость политических противоречий. При возникновении энергетических конфликтов он выражает сожаление по поводу ориентации на Россию и выражает готовность к сотрудничеству с Западом, Китаем, Венесуэлой, Ираном и др. Руководителю республики приходится лавировать, уклоняться от принятия решений (например, признание независимости Абхазии и Южной Осетии), при любом удобном случае критикуя политику России.

Тем не менее, не смотря на сложности в отношениях, оба государства не пересматривают свои союзнические договоренности, прежде всего в оборонной сфере. Геополитические и геостратегические интересы России и Белоруссии в принципе совпадают.

Менталитет выступает важнейшим фактором формирования повседневности, оказывает влияния на уклад жизни населения его повседневную культуру.

По мнению В.В. Кириенко: «полиэтнические города Беларуси являлись своеобразными «котлами», «переплавившими» славянские этносы в новое этнонациональное социальное образование. Значительная часть современного городского населения представляет собой полиэтническую и поликультурную конструкцию с переплетениями белорусских, русских, украинских и польских генеалогических и социокультурных корней» [15, с. 3–7].

Важное значение в отношении к русскому вопросу в Беларуси имеет сложившаяся здесь языковая политика. При официальном двуязычии в Республике Беларусь активно пользуется языком русским, а не белорусским более 80% населения; на русском языке ведется делопроизводство; преимущественную часть составляют русскоязычные книги, журналы и газеты; вещание по радио и телевидению в основном русскоязычное [10, с. 69–81].

В.В. Кириенко полагает, что менталитет белорусов является родственным как восточнославянским – русскому и украинскому, так и западнославянскому, но вместе с тем является самостоятельным, обладающим собственной самобытной культурой. Этим и объясняется геополитическая ориентация Беларуси, носящая многовекторный характер, направленная и на Восток, и на Запад [6, с. 99–105].

Определяющей чертой менталитета белорусов является также терпимость, которая предопределена особым положением Беларуси в европейском культурно-цивилизационном пространстве. Толерантность белорусов проявляется в уважительном отношении к людям, отличающимся от них.

Ментальный автопортрет современных белорусов определяется в первую очередь социально-духовными и патриархально-традиционными, коллективистскими характеристиками, в меньшей степени – рационально-деятельными, индивидуалистическими ментальными [4, с. 305].

Своеобразие белорусского менталитета проявляется в основательности, расчетливости, осторожности и конкретности его мышления; в исторических традициях, сформировавших у белорусского населения эмоциональную потребность в коллективном осуществлении труда и отрицающие индивидуалистические настроения; в доминировании в трудовом поведении белорусского народа фактора обстоятельств, нежели рационализма и практицизма; в преобладании в сознании белорусов подозрительного отношения к богатству [2, с. 107–109].

Распространенным является представление о том, что для белорусов особенно характерно терпение, можно сказать, оно является доминантой белорусской ментальности. Это действительно так, если терпение понимается как стойкость, твердость и т.д. К сожалению, встречаются и такие интерпретаторы, которые это качество толкуют как покорность, смирение, равнодушие и т.п. [12, с. 91].

И.Е. Шершов о белорусах, «Стержнем национального характера, его целеустремляющей энтелехией является коллективная воля, которая концентрирует все остальные его составляющие.... Интегральный атрибут характера белорусов – их многовековая жизненная направленность на эволюционное бытообживание меняющегося мира посредством постепенного преобразования и дополнения наследуемых традиций (ломка последних недопустима!).... у белорусов издавна сформировалось осторожное избирательное отношение.... От метропольных русских и украинцев их выгодно отличают

эмоциональная сдержанность, внутреннее спокойствие, завидное хладнокровие, психическая стойкость... склонность к мере, золотой середине... Среди отрицательных черт автор выделяет: инертность, нерешительность, недостаточную волевою целеустремленность, боязнь нового, которые являются оборотными сторонами, «антиподами» извечной осмотрительности, осторожности, ретроспективной оглядки [13].

Различия в менталитете белорусской и российской наций С. Казима [5] связывает с традициями самостоятельной государственности. У России огромный опыт государственных и культурных отношений, как с Западом, так и с народами постсоветского пространства, что нельзя сказать о Белоруссии.

Нахождение под мощным воздействием советской культуры со свойственными ей чертами (коллективизм; эгалитаризм; аскетизм; отрицание материальных ценностей и благ; интернационализм; жертвенность) отвечало ментальным потребностям белорусов, поскольку все указанные компоненты уже являлись органичной частью белорусской культуры... Особую ценность и важность для белорусов имела справедливость... Роль лидера (советский период П.М. Машеров, постсоветский А.Г. Лукашенко) в справедливом распределении плодов труда каждого имеет неопределимое для белорусского народа значение. Следует согласиться с автором, что многие из этих аспектов еще присущи и русским, только этим и можно объяснить популярность А.Г. Лукашенко в российской глубинке в 1990-х годах, когда о нем заговорили как о реальном претенденте на российское президентство. Президент Беларуси будит в россиянах ностальгические воспоминания о братстве советских народов, находится в выгодно разительном контрасте с российской элитой, резко оторвавшейся от простых людей.

Отдельного внимания заслуживает проблема национальной идентификации. После обретения независимости значительная часть граждан современной Беларуси этнонациональную идентификацию проводила, не по национальному происхождению, а по принадлежности к государству, белорусскому народу, культуре, что способство-

вало формированию самобытного этнонационального менталитета народа Беларуси.

Социальное самочувствие, формирующееся в повседневной жизни и включающее отношение к окружающей действительности, оценку условий жизнедеятельности и перспектив, своего положения в обществе, степени удовлетворенности жизнью, характеризует общее внутреннее состояние индивида и социальных групп.

Ранжирование респондентами наиболее актуальных проблем выделенных С.А. Шавель и Л.П. Галич в своем исследовании выглядит следующим образом. Сопоставление оценок по странам (Россия и Беларусь) показывает, что общественное мнение Беларуси отличается большей напряженностью и экспрессивностью. Это невольно влечет за собой преувеличение рисков и опасностей некоторых проблем (алкоголизм, безработица, социальное расслоение, плохая экология). Россияне, согласно данным исследования, недооценивают опасности ряда проблем (избыточного неравенства, бездуховности, разгула безнравственности, коррупции). Совпадения оценок наблюдаются по следующим проблемам: уровень жизни; остановка предприятий. Большинство же оставшихся предложенных проблем (несправедливые налоги, качество здравоохранения, качество образования, высокие тарифы ЖКХ, сокращение численности населения и т.д.) белорусы оценили как более актуальные для страны. Авторы полагают, что это связано с тем, что меньшие масштабы и численность населения Беларуси повышают плотность связи, социально-психологическую эмпатию, а вместе с тем и восприятие вероятности превращения эвентуальной (абстрактной) возможности в реальную, и как следствие превышение некоторых потенциальных угроз как превентивная мера с психологической точки зрения. Иначе выглядят оценки тех же остроты проблем для семьи. У белорусов они ниже в разы. В пятерку проблем, признанных наиболее острыми для семьи, в Беларуси вошли: высокие тарифы ЖКХ, инфляция, низкий уровень жизни, низкая доступность жилья, недостаточная социальная защищенность. В России самыми острыми проблемами на семейном уровне признаны: 1) инфляция, низкий уровень жизни,

низкая доступность жилья, безработица, недостаточная социальная защищенность. Таким образом, на семейном уровне обоих массивов мы видим тот же перечень актуальных проблем и с той же количественной оценкой их остроты – именно эти проблемы больше всего сказываются на настроении и самочувствии людей. Сравнительный анализ показал, что изменения социально-экономических условий жизнедеятельности определяют социальное самочувствие населения Беларуси и России [12, с. 76–95].

Представляет интерес в данной связи исследования М.А. Одиной и Е.М. Семеновой, в котором рассмотрены преодолевающие стратегии поведения белорусов и россиян [7, с. 75–81]. Большинство белорусов и россиян, сталкиваясь с проблемой, ориентируются на задачу, проводят анализ и разрабатывают различные варианты ее решения. Вместе с тем, россияне в сравнении с белорусами менее склонны в стрессовых ситуациях обращаться к копинг стрессовой поведенческой стратегии избегания, отвлечение от проблем; меньше замыкаются на своей боли, испытывают психологическое напряжение. Эмоциональное реагирование на стрессы у белорусских женщин намного выше, чем у белорусских мужчин. Белорусские женщины в большей мере, чем российские, склонны к фаталистичности, отличаются низкой адаптивностью, низкой настойчивостью.

На следующем этапе авторы посредством «шкалы игровой жертвы» проанализировали различия преодолевающих стратегий поведения россиян и белорусов. Эмоциональный процесс соотнесения или идентификации себя с жертвой в некоторой степени влияет на формирование менталитета жертвы. Игровая роль жертвы позволяет белорусам использовать внешний ресурс для защиты внутренних проблем, с целью обезопасить себя, и получить определенную материальную либо моральную поддержку со стороны окружения.

На этом фоне в поведении белорусов формируются рентные установки, выражающиеся в утилитарном отношении к своему «бедственному» положению, ощущении собственной беспомощности, что защищает их от негативного воздействия среды, но одновременно способствует созданию неконструктивных взаимоотношений в

процессе взаимодействия и не создает условий для эффективного преодоления трудных ситуаций [8, с. 192–196].

В поведении белорусов игровая роль жертвы ярче выражена, чем у россиян, а у белорусских женщин, в отличие от белорусских мужчин она закрепляется в модели поведения, образе жизни, в котором они себя довольно комфортно чувствуют, получая внимание, сочувствие, поддержку. Они считают, что жизнь к ним несправедлива, и всячески стремятся привлечь внимание и помощь от окружающих, потому что не уверены, что сами могут справиться с трудностями. По показателям теста жизнестойкости (принятие риска, вовлеченность в происходящее, контроль за ситуацией) и смысложизненных ориентаций белорусы от россиян не отличаются, у белорусского и российского народов сформированы определенные цели в жизни, ориентированные на будущее. Именно жизнестойкость помогает выстоять этим народам в условиях вызовов [7, с. 75–81].

Интересен в этой связи анализ Ю. Чернявской относительно образа России и русских, Беларуси и белорусов в Интернет блогах (сетевых дневников) российских и белорусских авторов. В выборку вошли 2/3 белорусские Интернет пользователи и 1/3 российские в возрасте от 18 до 30 лет. Причина перекоса выборки состоит в том, что белорусы для российских авторов не представляют проблемы или отдельного предмета рефлексии, что нельзя сказать о белорусах, в самосознании которых России уделено гораздо большее значение. Выделим основные моменты результатов исследования.

Образом «Они», на противопоставлении и (реже) сопоставлении с которым базируется идентичность современного белоруса, являются россияне; образ России устойчиво характеризуется как «имперский»; в сознании молодых белорусов популярно мнение о преимуществе европейской ориентации, что предполагает отказ от всего славянского, тем самым сложились предпосылки для деславянизации в определении ориентиров; европейский путь воспринимается белорусской аудиторией как будущее, а пророссийский – как прошлое [11].

Причиной такого недоверия может являться распространенное в 1990-х гг. в среде белорусской интеллигенции мнение о преиму-

ществе европейской ориентации, европейской идеологии. В сознании большей части белорусов из желанной европейскости, как бы закономерно и неизбежно выпадала славянскость, тем самым складывались предпосылки для деславянизации в определении геополитических ориентиров, а также векторов эволюции сознания. Симптоматично распространение специфических «теорий» этногенеза белорусов не как славян, а как народа, сложившегося на балтском субстрате, по специфической литовской линии, или – на субстрате ятвяжском, опять же специфически, отдельно от русских [10, с. 69–81].

Акцент на позитивных аспектах общего сосуществования, братства, взаимопомощи и солидарности, характерен для российской аудитории на фоне недоброжелательности белорусов. Россия белорусами воспринимается как тормоз в развитии собственной истории, культуры и повседневности. Как правило отрицательные стереотипы отнесены к Москве и москвичам, которым противопоставляется Петербург, признаваемый европейским, более близкий ценностям, менталитету современного белоруса; отмечается дихотомия белорусский порядок – российский беспорядок, белорусское спокойствие – российская суэта, что признают и высоко оценивают россияне; в социально-экономическом и политическом отношении Россия в представлениях белорусов – это коррупция, олигархи, заказных убийств. Советский компонент повседневности белорусов воспринимается доброжелательно российской аудиторией в отличие от белорусов.

Ю. Чернявская, прослеживает три линии стерео типизации рассуждений: «русофобия», «ментальные различия», «экономика». Тем не менее, тенденция нежелания ухудшений отношений с Россией доминирует. Белорусским блогерам наиболее симпатичны литовцы и поляки, воспринимаемые в качестве посредников с Западом, демонстрирующих успешность и превосходство интеграции в европейское пространство [11].

Приведенный анализ полностью корреспондирует с утверждениями И.А. Чароты, который пишет: «Под воздействием антирусских

концепций выросло и воспиталось целое поколение граждан Беларуси, для которых неприемлемыми являются понятия «общерусские корни», «белорусский народ как ветвь русской общности», что стало почти безапелляционно интерпретироваться как свидетельство утраты собственного национального сознания. . . . Большинство устремлений глобализаторов-европеизаторов, сводится к дискредитации православия и русскости и пропаганде полонизации вкупе с католизацией, что приводит к деформации самосознания белорусов оборачивающейся тотальной дерусификацией. В сознание большинства молодых белорусов внедрена русофобия, а принадлежность к белорусскому народу означает категоричную демонстрацию своей особенностью и отдельности от русского народа, непричастности к его традициям и духовным ценностям [10, с. 69-81].

Согласно данным нашего опроса [21] русского населения Краснодарского края, объединяет русский народ с белорусским историческое прошлое – 64%; культура (ценности, традиции, обычаи) – 45%; общность языка и религии 40 и 38%; родственные связи 38%; безопасность и внешние угрозы – 28%; славянский характер, менталитет 27%; экономические и политические интересы 17%.

В целом, по основным позициям данные по всем категориям (возраст, город/село, пол) идентичны, а наблюдающиеся различия в процентном отношении не значительны. Единство с жителями Белоруссии респонденты женского пола ощущают в меньшей степени, чем мужчины.

В аналогичном вопросе относительно объединяющих характеристик русских с украинцами существенные различия не просматриваются, несколько ниже процент отметивших безопасность и внешние угрозы (19%), экономические и политические интересы (11%).

Полностью поддерживают процесс сближения, единения с Беларусией 60%, частично 24%, скорее не поддерживают 7%, затруднились с ответом 9% респондентов. Несколько иначе выглядит ситуация по Украине сближение с которой полностью поддерживают 29%, частично 30%, не поддерживают 30%, затруднились с ответом 11% опрошенных.

Можно сказать, в большинстве своем респонденты признают общность славянской линии этногенеза, корней, культуры и традиций русских, белорусов и украинцев. Симптоматично, что в плане интеграции предпочтительней оказываются белорусы. Сказываются последствия обострившихся между Россией и Украиной отношений с 2014 года.

Процесс интеграции России, Белоруссии, Казахстана в рамках Евразийского экономического Совета поддерживает полностью 43%, частично 28%, не поддерживают 15%, затруднились с ответом 14%; со странами СНГ поддерживают полностью 35%, частично 31%, не поддерживают 20%, затруднились с ответом 14%.

Несколько иначе выглядит ситуация в вопросе об интеграции с Евросоюзом, которую поддерживают полностью 23%, частично 25%, скорее не поддерживают 35%, затруднились с ответом 17%.

Общая ориентация на интеграцию в том или ином виде оказалась очевидной и доминирующей в ответах респондентов.

Заключение

Экономические и политические отношения выступают важными факторами формирования повседневности русских и белорусов, детерминируют культуру повседневности различных социальных групп. Основные вопросы в современных российско-белорусских отношениях имеют различные подходы к их разрешению, которые в основном экономического характера, но требуют решения политическими методами. Эти отношения должны носить прогнозно-поисковый характер, при выработке сбалансированной модели поведения устраивающей обе стороны.

Другим важным фактором оказывающим влияние на уклад жизни населения выступает менталитет. Ментальный автопортрет современных белорусов определяется в первую очередь социально-духовными и патриархально-традиционными, коллективистскими характеристиками. Различия в менталитете российской и белорусской наций связаны с традицией самостоятельной государственности. Россия обладает огромным опытом, Белорусская же впервые по-

лучила самостоятельную государственность лишь в XX веке. В годы пребывания в рамках СССР оба народа находились под мощным воздействием советской культуры со свойственными ей чертами, которые отвечали ментальным потребностям белорусского и русского народов, поскольку все указанные компоненты уже являлись органичной частью их ментальности. Общественное мнение белорусов в сравнении с русскими отличается большей напряженностью и экспрессивностью, преувеличением рисков и опасностей большинства проблем. Меньшие масштабы и численность населения Беларуси повышают плотность связи, социально-психологическую эмпатию, а вместе с тем и восприятие вероятности превращения абстрактной возможности в реальную. Социальное самочувствие исследуемого населения чувствительно к изменениям социально-экономических условий жизнедеятельности. Смысложизненные ориентации белорусов и русских значительно не отличаются, сформированы определенные цели, ориентированные на будущее. Белорусы для русских не представляют проблемы или отдельного предмета рефлексии, что нельзя сказать о белорусах, в самосознании которых России уделено гораздо большее значение. В сознании молодых белорусов популярно мнение о преимуществе европейской ориентации, что предполагает отказ от всего славянского; акцент на позитивных аспектах общего сосуществования, характерен для российской аудитории, которая признает общность славянской линии этногенеза, корней, культуры и традиций русских и белорусов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-23-01005 а (м) «Этнокультурные практики в структуре повседневности белорусов и россиян».

Список литературы

1. Гусейнов А.А. Идеи универсализма и самобытности (о возможности глобального этоса) // Наука и религия. Междисциплинарный и кросс-культурный подход. Научные труды / Под ред. И.Т. Карсавина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2006. С. 26–42.

2. Злотников А.Г. Менталитет как социальный механизм // Менталитет восточных славян: история, современность, перспективы: материалы межд. науч. конф., Гомель, 27–28 окт. 1999 г. / Под ред. В.В. Кириенко. Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 1999. С. 107–109.
3. Ковалева Э.В. Российско-белорусские отношения: тенденции развития / Автореф. дисс. к.п.н. М., 2010.
4. Кириенко В.В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы. Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого. 2009. 305 с.
5. Казима С. Белорусский менталитет в российско-белорусских отношениях. <http://www.promreview.net/moskva/beloruskii-mentalitet-vrossiisko-belorusskikh-otnosheniyakh> (дата обращения 25.10.2016).
6. Моисеенко В.Г. Менталитет белорусов в контексте патриотического воспитания // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2015 №9–3. С. 99–105.
7. Одинцова М.А., Е.М. Семенова. Преодолевающие стратегии поведения белорусов и россиян // Культурно-историческая психология. 2011. №3. С. 75–81.
8. Одинцова М.А. Специфика проявления рентной установки в поведении человека // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. С. 192–196.
9. Скульмовская Л.Г., Назарова Н.В. Повседневность как культурно-историческая категория // Теория и практика общественного развития. 2014, №12. С. 97–100.
10. Чарота И.А. Дерусификация как деформация самосознания белорусов // Социология. 2015. №1. С. 69–81.
11. Чернявская Ю. «Заклятые друзья»: к проблеме репрезентации отношений белорусов и россиян в белорусской блогосфере // Неприкосновенный запас. 2010. №3 (71).
12. Шавель С.А., Галич Л.П. Социальное самочувствие населения Беларуси и России: компаративный социологический анализ// Социология (Минск). 2012. №1. С. 76–95.
13. Шершов И.Е. О белорусском национальном характере. <http://repository.buk.by:8080/jspui/bitstream/123456789/584/1/O%20belorusskom%20nacional%20nom%20haraktere.pdf> (дата обращения 25.10.2016).

14. Шмаков В.С. Социальные проблемы развития трансформационных процессов в контексте глобализации: Россия – Беларусь // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. №2. С. 200–206.
15. Яскевич Я.С. Ценностные ориентиры в университетской среде// Народная асвета. 2014. №2. С. 3–7.
16. Preston P.W. Political // Cultural Identity. Citizens and Nations in a Global Era. L.; N.D.: SAGE Publications, 1997.
17. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. In: Global Modernities. L., New Delhi, 1995.
18. Savage M., Property, bureaucracy and culture / M. Savage. L.; N.Y., 1992. pp. 99–218.
19. Tenbruck F.H. Repräsentative Kultur // Sozialstruktur und Kultur / Hrsg. von H. Haferkamp. Frankfurt am Main, 1990.
20. Verlen Benno. Society, Action and Space // Routledge, 1993, pp. 52–72.
21. Исследование проводилось в период с июня по сентябрь 2016 года, методом анкетирования. Для отбора респондентов использована репрезентативная квотная выборка с элементами случайного отбора населенных пунктов и респондентов. Объем выборочной совокупности составил 1300 человек. Состав респондентов соответствует составу жителей Краснодарского края от 18 лет и старше по таким признакам, как пол, возраст, соотношение городского и сельского населения.

References

1. Guseinov A. *Nauka i religiya. Mezhdistsiplinarnyy i kross-kul'turnyy podkhod* [Science and Religion. Interdisciplinary and cross-cultural approach. Publications] / Ed. IT Karsavina. M. : “Canon +” ROOI “Rehabilitation”. 2006, pp. 26–42.
2. Zlotnikov A. *Mentalitet vostochnykh slavyan: istoriya, sovremennost', perspektivy: materialy mezhd. nauch. konf., Gomel', 27–28 okt. 1999* [The mentality of the Eastern Slavs: History, Present and Prospects: Proceedings of Int. scientific. Conf., Gomel, October 27–28. 1999]/ ed. VV Kiriyyenko. Gomel GSTU them. BY. Dry, 1999, pp. 107–109.

3. Kovaleva E. *Rossiysko-belorusskie otnosheniya: tendentsii razvitiya* [Russian-Belarusian relations: trends] / Abstract. diss. PhD Moscow, 2010.
4. Kiriyyenko V. *Belorusskaya mental'nost': istoki, sovremennost', perspektivy* [Belarusian mentality: origins, modernity and perspectives]. Gomel GSTU them. BY. Dry, 2009. 305 p.
5. Kazima S. *Belorusskiy mentalitet v rossiysko-belorusskikh otnosheniyakh* [Belarusian mentality in Russian-Belarusian relations]. <http://www.promreview.net/moskva/belorusskii-mentalitet-vrossiisko-belorusskikh-otnosheniyakh> (accessed October 25, 2016).
6. Moiseenko V. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk* [Actual problems of humanitarian and socio-economic sciences]. 2015. №9-3, pp. 99–105.
7. Odintsov M., Semenova E. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology]. 2011. №3, pp. 75–81.
8. Odintsova M. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl pedagogichesky Gazette]. 2010. № 2, pp. 192–196.
9. Skulmovskaya L., Nazarov N. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 2014. №12, pp. 97–100.
10. Charota I. Derussification as deformation consciousness of Belarusians. *Sotsiologiya* [Sociology]. 2015. №1, pp. 69–81.
11. Chernjavskaja Y. «Sworn friends»: the problem of the representation of the relationship of Belarusians and Russians in the Belarusian blogosphere *Neprikosnovenny zapas*. 2010. №3 (71).
12. Shavel S., Galich L. Social well-being of the population of Belarus and Russia: the comparative sociological analysis. *Sotsiologiya (Minsk)* [Sociology (Minsk)]. 2012. №1, pp. 76–95.
13. Shershov I. *O belorusskom natsional'nom kharaktere* [About the Belarusian national character]. <http://repository.buk.by:8080/jspui/bitstream/123456789/584/1/O%20belorusskom%20natsional'nom%20kharaktere.pdf> (accessed October 25, 2016).
14. Shmakov V. Social problems of transformation processes in the context of globalization: Russia – Belarus. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. 2008. №2, pp. 200–206.

15. Yaskевич Y. Valuable guidance in the university environment. *Narodnaya asveta* [People asveta]. 2014. №2, pp. 3–7.
16. Preston P.W. Political // Cultural Identity. Citizens and Nations in a Global Era. L.; N.D.: SAGE Publications. 1997.
17. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. In: *Global Modernities*. L., New Delhi. 1995.
18. Savage M., Property, bureaucracy and culture / M. Savage. L.; N.Y., 1992, pp. 99–218.
19. Tenbruck F.H. Repräsentative Kultur // Sozialstruktur und Kultur / Hrsg. von H. Haferkamp. Frankfurt am Main. 1990.
20. Verlen Benno. Society, Action and Space // Routledge, 1993, pp. 52–72.
21. The study was conducted between June and September 2016, using questionnaires. For the selection of the respondents used a representative quota sample with elements of random selection of settlements and the respondents. The volume of sample was 1300 people. The composition of the respondents corresponds to the composition of inhabitants of Krasnodar region from 18 years of age or older on grounds such as gender, age, the ratio of urban and rural population.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Тужба Эмир Нодариевич, профессор кафедры социологии, права, ведения и работы с персоналом

*Кубанский государственный технологический университет
ул. Московская, 2. г. Краснодар, Краснодарский край, 350072,
Российская Федерация
emirtu@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tuzhba Emir Nodarievich, Professor of Sociology, Law and Human Resources

*Kuban State University of Technology
2, Moskovskaya Str., Krasnodar, Krasnodar region, 350072, Russian Federation
emirtu@yandex.ru*